номическія предпосылки для развитія интенсивнаго скотоводства. Оно задерживалось отчасти инертностью населенія, отчасти высокими цѣнами на интенсивные корма, заставлявшими отправлять ихъ за границу. Теперь волей-неволей громадное количество жмыховъ, отрубей, ячменя, а частью и ржи, вывозившееся ранѣе въ Германію, осталось дома и должно быть скормлено скоту.

Въ этомъ отношеніи сокращеніе экспорта должно дать толчокъ развитію интенсивнаго скотоводства.

Въ данный моментъ, пока длится война, въ томъ же направленіи будетъ дѣйствовать и другое послѣдствіе войны,—уменьшеніе рабочихъ силъ въ деревнѣ. Крестьянскаго хозяйства, въ общемъ съ избыткомъ снабженнаго рабочими силами, оно коснется меньше, но для помѣщичьяго хозяйства недостатокъ рабочихъ силъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Скотоводство требуетъ на единицу площади меньшаго количества живаго труда, при томъ болѣе равномѣрно распредѣленнаго по временамъ года, чѣмъ въ хозяйствѣ зерновомъ. Хозяйства, связанныя съ наемнымъ трудомъ, вынуждены будутъ уже только въ силу этого перейти къ менѣе трудоемкимъ системамъ хозяйства, въ частности къ скотоводству.

Вліяніе войны на сельское хозяйство выразится, такимъ образомъ, по преимуществу въ увеличеніи значенія скотоводства въ организаціонныхъ планахъ хозяйства и въ измѣненіи соотношенія отдѣльныхъ зерновыхъ культуръ. Переустройство хозяйства на новыхъ началахъ должно быть выполнено однако въ необычайно короткій срокъ, хозяйство должно приспособиться къ внезапно измѣнившимся условіямъ рынка въ теченіе одного хозяйственнаго періода. Можно опасаться, что наше крестьянское хозяйство, не знающее условій рынка, отъ котораго оно тѣмъ не менѣе находится въ тѣсной зависимости, не сумѣетъ съ достаточной быстротой приспособиться къ новымъ условіямъ. Но здѣсь на помощь ему должны придти наши земскія и правительственныя агрономическія организаціи, передъ которыми война ставитъ, такимъ образомъ, новыя и отвѣтственныя задачи.

Съ подарками.

Поѣздки на передовыя позиціи.

II.

Въ сферѣ огня.

Ночь мы провели въ Ж., маленькомъ городкѣ, непосредственно за которымъ проходитъ «третья линія» нашихъ окоповъ и уже начинается сфера военныхъ дѣйствій. Пріѣхали мы темной, ненастливой ночью, но къ утру погода «разгулялась». День выдался ясный, свѣтлый, опять словно апрѣльскій, и на нѣжно-голубомъ небѣ не виднѣлось ни облачка. Однако это не было залогомъ безопасности пути: если темныя ночи служатъ нѣмцамъ для атакъ на наши позиціи, то ясными днями они пользуются для воздушныхъ развѣдокъ и нападеній.

Утромъ намъ надо было сдѣлать нѣсколько поѣздокъ по городу: кое-что закупить, получить свѣдѣнія отъ этапнаго коменданта о мѣстонахожденіи полка, въ который мы везли подарки, узнать на желѣзнодорожной станціи о судьбѣ самаго вагона съ подарками. И едва мы выѣхали на «главную улицу», какъ уже увидѣли надъ своими головами два нѣмецкихъ аэроплана. Паря на умѣренной высотѣ, нѣмцы спокойно кружили надъ городомъ, что-то высматривая или выбирая подходящее мѣсто, чтобы сбросить свои бомбы и стрѣлы [1]). Прохожіе не безъ опасенія поглядывали на залетѣвшихъ «голубей», и болѣе предусмотрительные укрывались подъ воротами и въ магазинахъ. Съ окраинъ города слышался трескъ ружейныхъ выстрѣловъ; солдаты усердно обстрѣливали летающихъ нѣмцевъ.

Пока мы ѣздили по Ж., нѣмецкіе аэропланы упорно держались надъ городомъ. И приблизительно въ то время, когда мы отправились дальше, въ Г., гдѣ стоялъ штабъ разыскиваемаго нами полка, нѣмцы также полетѣли въ томъ же направленіи, параллельно шоссе. Нельзя сказать, чтобы эти незваные спутники были намъ особенно по сердцу. Но насъ успокаивало сознаніе, что воздушные разбойники врядъ ли станутъ тратить запасъ своихъ бомбъ на случайный автомобиль, попасть въ который на-ходу было къ тому же весьма затруднительно.

Нѣсколько верстъ мы ѣхали, сопровождаемые аэропланами. Потомъ «голуби» скрылись изъ виду, но, едва мы приблизились къ первымъ строеніямъ Г., опять выпырнули откуда-то. Къ двумъ первымъ аэропланамъ даже присоединился еще третій, показавшійся съ сѣвера и летѣвшій навстрѣчу своимъ товарищамъ. Повидимому, нѣмцы, такъ же какъ и мы, направлялись именно въ Г.

Подъ самымъ городкомъ была стоянка одного изъ полковъ: вдоль дороги тянулись прочно устроенныя землянки; подальше дымились походныя кухни. Едва нѣмецкіе аэропланы вмѣстѣ съ нами поравнялись съ этимъ лагеремъ, какъ солдаты гурьбой выбѣжали на дорогу. Обстрѣлъ «голубей» составляетъ одно изъ любимѣйшихъ развлеченій солдатъ. Намъ было видно, какъ сперва одинъ быстро вскинулъ винтовку, приложился, направилъ дуло вверхъ и спустилъ курокъ; за первымъ—другой, третій, четвертый... Со всѣхъ сторонъ защелкали ружейные затворы и затрещали выстрѣлы, порой совсѣмъ оглушая насъ. Пока мы пересѣкали маленькое селеніе, пальба не прекращалась ни на мигъ. Можно было подумать, что мы попали въ самый центръ жаркаго боя. Стрѣляли справа и слѣва, спереди и сзади отъ насъ, съ дорогъ, съ дворовъ, съ крышъ домовъ. Теперь оставалось опасаться, какъ бы случайная пуля, падая обратно на землю, не оказалась для насъ губительнѣе нѣмецкой стрѣлы.

Все обошлось однако благополучно, и мы, подъ трескъ безпрерывныхъ выстрѣловъ добрались невредимыми до зданія, занятаго штабомъ, — большаго дома съ колоннами, вѣроятно, старинной барской усадьбы. Мои спутники отправились за нужными намъ свѣдѣніями, а я предпочелъ погулять по городку и поболтать съ солдатами. Къ тому же у меня былъ съ собой запасъ папиросъ, который я долженъ былъ раздать.

Стрѣльба нѣкоторое время еще продолжалась, но вскорѣ комендантъ приказалъ ее прекратить, какъ безцѣльную: нѣмцы поднялись слишкомъ высоко. Съ подавленной досадой опускали солдаты винтовки: было обидно, что «голуби» на этотъ разъ увернулись отъ пуль, тѣмъ болѣе, что всѣ три аэроплана, хотя и на большой высотѣ, не переставали чертить круги надъ городкомъ. Нѣмцы отлетали въ сторону, возвращались назадъ, опять удалялись и появлялись вновь,—вообще чувствовали себя въ воздухѣ, надъ Г., «какъ дома».

Между тѣмъ выяснилось, что они успѣли-таки бросить въ Г. двѣ бомбы, что при трескѣ выстрѣловъ многіе,—мы въ томъ числѣ,—и не замѣтили. По счастью, вреда бомбы не причинили: одна упала въ грудь, другая—въ глубокую канаву съ водой. Все-таки извѣстіе о бомбахъ еще болѣе раздосадовало солдатъ, и видно было, что у нихъ «руки чешутся» всякій разъ, какъ нѣмцы подлетали поближе.

Много ихъ здѣсь летаетъ?—спросилъ я у солдатъ.

— Да, почитай, каждый ясный день, то одинъ, то два, а то и больше. Какъ нѣтъ тумана, такъ сейчасъ и летятъ.

Дѣйствительно, надо отдать справедливость нѣмецкимъ авіаторамъ: они свое дѣло исполняютъ ревностно, стараются использовать не только каждый ясный день, но даже нѣсколько часовъ на дню, ес и небо проясняется.

И бомбы бросаютъ?—продолжалъ я разспрашивать.

— А то какъ же? Извѣстное дѣло, скидываютъ.

— А стоитъ ли ихъ обстрѣливать? Вѣдь попасть почти невозможно.

Солдаты живѣйшимъ образомъ запротестовали.

— Какъ невозможно? Попадаемъ! Сколько ихъ уже посбили!

Мнѣ стали разсказывать рядъ случаевъ, когда удавалось «сбить» нѣмецкій аэропланъ. Недавно еще одинъ солдатъ, стоя на посту и охраняя мостъ поблизости отъ Г., замѣтилъ, что нѣмецкій летчикъ упрямо кружитъ надъ этимъ мѣстомъ. Вѣроятно, нѣмецъ намѣревался взорвать бомбой мостъ. Солдатъ выстрѣлилъ и такъ удачно, что первая же пуля попала летчику въ шею. Онъ потерялъ способность управлять своимъ аппаратомъ, и аэропланъ рухнулъ на землю. Солдата представили къ наградѣ.

Объ этомъ случаѣ солдаты передавали мнѣ съ завистью. Вообще имъ доставляло видимую радость разсказывать о томъ, какъ русскому человѣку удавалось одолѣть летающаго нѣмца. Къ аэропланамъ они чувствовали особую непріязнь и, кажется, были глубоко убѣждены, что летаніе по воздуху—спеціально нѣмецкое дѣло, чуть ли не нечестивое. Я напомнилъ, что у насъ также есть свои летчики-офицеры, не уступающіе нѣмцамъ.

— Оно, конечно, есть...—согласились солдаты, но какъ-то неохотно [2]).

Я спросилъ еще солдатъ, какъ они чувствуютъ себя послѣ пятимѣсячной войны.

— Надоѣло стоять на мѣстѣ, ваше благородіе,—отвѣтилъ за всѣхъ одинъ молодой солдатикъ, видимо «резонеръ» своей роты.—Какъ привели насъ сюда, такъ второй мѣсяцъ никуда ни шагу. Этакъ онъ (т. е. нѣмецъ) нивѣсть что объ себѣ подумаетъ.

— Но вамъ здѣсь спокойно,—сказалъ я.—Я видѣлъ, какія вы себѣ, подъ городомъ, хорошія землянки настроили.

Отвѣтилъ мнѣ на это тотъ же солдатикъ, притомъ словами, которыя, право стоятъ любаго классическаго изреченія:.

— Насъ не для спокою на войну гнали. Спокой можно и въ деревнѣ сыскать.

— Ну, братъ,—остановилъ разсуждающаго болѣе пожилой товарищъ, съ повязкой краснаго креста на рукѣ,—начальство лучше тебя знаетъ, когда надо стоять, когда—идти. Тебя вотъ не спросили.

Всѣ поспѣшили согласиться съ благоразумнымъ санитаромъ.

Тѣмъ временемъ мои спутники собрали въ штабѣ нужныя свѣдѣнія. Пора было отправляться въ дальнѣйшій путь. Я долженъ былъ распрощаться со своими собесѣдниками. Не осталось мнѣ времени и для того, чтобы посѣтить расположенный въ Г. питательный пунктъ, какъ говорятъ, образцовый, которымъ завѣдуетъ В. М. Пуришкевичъ.

Ѣхать намъ предстояло еще версты 3—4. Разыскиваемый нами полкъ былъ расположенъ въ окопахъ, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него находился походный госпиталь, старшимъ врачемъ котораго состоялъ мужъ одной изъ нашихъ спутницъ (съ нами ѣхали двѣ дамы), г-жи —вой. Въ этотъ госпиталь мы и намѣревались направиться. Въ штабѣ предупредили, что дорога къ госпиталю не совсѣмъ безопасна: случается, что нѣмецкіе снаряды залетаютъ слишкомъ далеко и падаютъ въ этомъ районѣ. Мы однако рѣшили пренебречь такими предостереженіями и довести свое путешествіе до конца.

До госпиталя можно было добраться двумя путями: или пѣшкомъ, напрямикъ чрезъ поле, или въ экипажѣ, по аллеѣ шоссе, дѣлающаго прямой уголъ отъ города. Мы раздѣлились на двѣ партіи: г. Ф., г-жа —ва и я пошли пѣшкомъ; наша вторая спутница и шофферъ, взявъ проводника, поѣхали въ автомобилѣ. Самый госпиталь скоро сталъ виденъ: низенькій, красненькій домикъ среди деревьевъ. Дальше смутно обозначилась и линія окоповъ, откуда доносились звуки ружейныхъ выстрѣловъ и орудійной пальбы и взвивались иногда дымки шрапнелей. Что касается нѣмецкихъ аэроплановъ, то они, тѣмъ временемъ скрылись изъ вида.

Пѣшая дорога оказалась не легкой. Идти надо было по вспаханному полю, размытому дождями и подмороженному послѣдними холодами. Было грязно, топко и скользко. Но опасенія, высказанныя въ штабѣ, не оправдались; тамъ, вѣроятно, считали нужнымъ быть особенно предупредительными по отношенію къ «штатскимъ», непривычнымъ къ огню людямъ. За все время нашего перехода только одна шальная шрапнель разорвалась шагахъ въ 200 отъ насъ, и бѣлый, облачный комочекъ, поднявшись съ земли, долго таялъ передъ нашими глазами.

Около самого госпиталя насъ нагналъ нашъ автомобиль; мы опять соединились и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ деревню. Тутъ произошла встрѣча, болѣе обычная въ романахъ, нежели въ дѣйствительной жизни. Мужъ г-жи —вой, ничего не знавшій о поѣздкѣ своей жены, какъ разъ въ эту минуту выходилъ съ товарищами изъ дверей. Первое, что онъ увидѣлъ, было лицо своей жены, которую онъ считалъ, если не въ Москвѣ, то въ Варшавѣ...

Описаніе такихъ встрѣчъ должно предоставить новеллистамъ. Во всякомъ случаѣ цѣль нашего путешествія была достигнута. Мы разыскали полкъ, которому везли порученные намъ подарки, и были около самыхъ «передовыхъ позицій», уже въ «сферѣ огня».

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 4-го января.

За Карсомъ

(На турецкомъ фронтѣ).

I.

Карсъ казался пунктомъ, за которымъ должна была начаться «настоящая» работа. По работѣ изголодался весь составъ нашего санитарнаго поѣзда за время долгаго путешествія съ сѣвера и нудной стоянки въ Тифлисѣ.

Но и Карсъ,—на первыхъ порахъ,—обманулъ ожиданія: съ недѣлю стояли на станціи безъ дѣла въ ожиданіи распоряженій и жили однообразной бивачной жизнью, слоняясь отъ поѣзда къ вокзалу и обратно, хандрили, тосковали и уничтожали безмѣрное количество кипятку.

Внизу, скатываясь къ узенькой рѣчонкѣ Карсъ-чаю, лежалъ городъ. На горѣ съ крутыми скатами и обрывами была крѣпость. Въ сущности, мы принимали на-вѣру слухъ, что тамъ—крѣпость, а кромѣ небольшой церковки и нѣсколькихъ сѣрыхъ зданій казарменнаго типа ничего не видѣли на горѣ. О томъ, что тамъ, на гребнѣ, есть какая-то своя жизнь, можно было думать лишь потому, что по-временамъ въ одномъ мѣстѣ,—на гранѣ неба и земли,—темнѣла крошечная фигурка часоваго, а по ночамъ одинокой звѣздочкой горѣлъ фонарь приблизительно тамъ, гдѣ днемъ маячила одинокая фигурка. Все остальное было закрыто для насъ, если не считать цитадели, которая орлинымъ гнѣздомъ прилѣпилась подъ скалой. За цитаделью была крѣпостная баня, въ которую добились доступа и мы.

Городъ,—если исключить изъ него казармы, дома для офицерскихъ семей, склады и военные клубы,—былъ невзрачный, грязный и убогій. Куча сѣрыхъ каменныхъ лачугъ съ плоскими крышами, мечеть, двѣ церкви, съ десятокъ лавчонокъ на базарѣ, утопающихъ въ житкомъ пюре кофейнаго цвѣта. На Александровской улицѣ—нѣсколько универсальныхъ армянскихъ магазиновъ съ цѣнами, которыя не снились и нашимъ столицамъ...

Мѣстный житель,—въ картузѣ и тюхматой желтой шапкѣ,—медлительный, склонный къ созерцательной неподвижности, тонулъ въ сѣрой, озабоченно-дѣловой солдатской массѣ. Солдатами заполнено было все: улицы, дворы, лавки, почта, церкви, базаръ. На каждомъ шагу—солдатъ,—и въ бр зѣ самомъ мирномъ, хозяйственномъ: то со старыми сапогами въ рукахъ, то съ кастрюлей щей, съ огромнымъ жестянымъ чайникомъ, съ дамскимъ пальто на плечѣ, съ караваемъ подмышкой... И на всей городской жизни, несмотря на царство сѣрой шинели, на несомнѣнную близость боевой линіи, лежалъ мирный, идиллическій колоритъ. По утрамъ, какъ въ деревнѣ, пѣли пѣтухи, бабы съ коромыслами шли къ колодцу, гремѣла одинокая телѣга, маленькая дѣвочка загоняла убѣжавшаго со двора теленка, по-деревенски лаяли собаки, черномазые ребятишки катались на замерзшей лужѣ, у будки, возлѣ вокзала, изъ которой отпускали кипятокъ, человѣкъ въ разстегнутомъ солдатскомъ мундирѣ въ десятый разъ взывалъ заспаннымъ голосомъ къ кому-то таинственному, сидящему за дверью:

— Слышь, почтенный! Отпущай... а-то на занятія скоро...

А невидимый «почтенный» не подавалъ никакихъ признаковъ жизни,—вѣрно, спалъ сномъ праведника.

Бѣлѣло небо на востокѣ. Волнистой линіей обозначался на немъ гребень горъ. Гасъ одинокій фонарь въ высотѣ. Надъ Карсъ-чаемъ, и за вокзаломъ, и еще гдѣ-то мѣстахъ въ двухъ, къ ущелью, звенѣли пѣсни: молодыхъ солдатъ водили на прогулку и учили маршировать подъ пѣніе. Прислушавшись, можно было угадать, въ какой ротѣ поютъ хохлы, въ какой—кацапы; у однихъ пѣсня звучала мягко и нѣжно; умѣло, съ пониманіемъ, со вкусомъ подбирались голоса; даже выборъ пѣсенъ намекалъ на народность съ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ.

Противъ милаго двора сталъ—
остановился,
Чи не выйде дивчинонька съ черными бровями...

Другіе просто шумѣли, ухали, гикали, подсвистывали, не очень заботясь о гармоніи, но старались, чтобы вышло такъ, какъ требуетъ основной параграфъ солдатской словесности: «Ходи веселѣй!».

---

[1]) Извѣстно, что нѣмцы бросаютъ теперь съ аэроплановъ не только бомбы, но и особыя стрѣлы, послѣднія—цѣлымъ дождемъ, высыпая ихъ, повидимому, изъ мѣшка. Я видѣлъ образчики этихъ стрѣлъ: маленькія, вершка въ три длиной, стальныя палочки, съ остріемъ какъ у стрѣлы для средневѣковаго самострѣла. Онѣ разсчитаны такъ, чтобы всегда падать заостреннымъ концомъ внизъ. На каждой стрѣлѣ выбита по-французски надпись въ рукѣ тяжеловѣснаго прусскаго остроумія: „Fabrication allemande—invention française" (сдѣлали нѣмцы, но изобрѣли французы).

[2]) Извѣстный летчикъ ..... въ бесѣдѣ со мной подтверждалъ мнѣ, что наши солдаты долгое время не хотѣли допустить мысль, что русскій человѣкъ, православный, также можетъ летать.